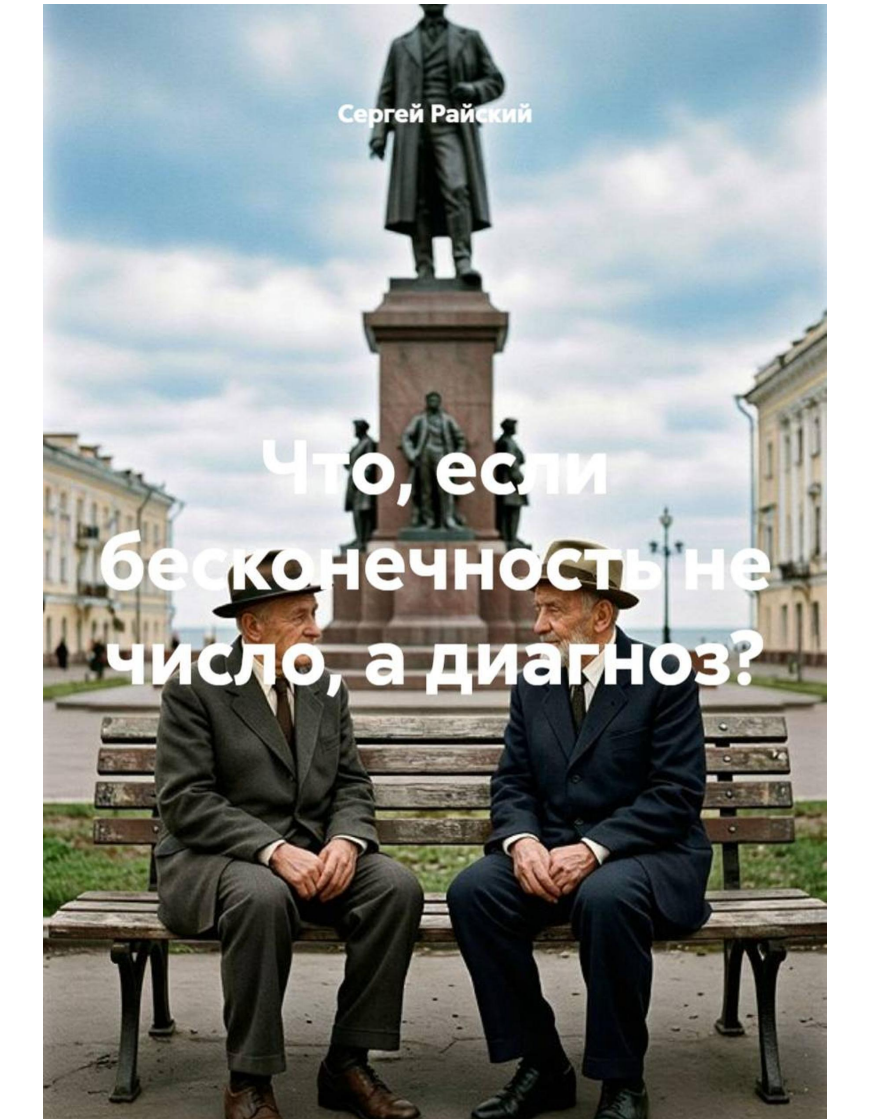

A photograph of two elderly men sitting on a wooden bench in a park-like setting. They are both wearing suits and hats, looking at each other. In the background, there is a large statue of a man in a long coat on a pedestal, with smaller statues at its base. The sky is blue with some clouds.

Сергей Райский

Что, если
бесконечность не
число, а диагноз?

Сергей Райский

Что, если бесконечность не число, а диагноз?

<https://litres.ru/74468649>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Атмосферное фото в стиле советского ретро 1960-х годов. На заднем плане величественный памятник Дюку Ришелье в Одессе на Приморском бульваре. На переднем плане на винтажной скамье сидят два беседующих пожилых мужчины в костюмах и шляпах. Кинематографичный кадр, высокое разрешение, идеальное качество»

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Райский

Что, если бесконечность не число, а диагноз?

Глава

Глава 1. Одесский натюрморт с перевернутой восьмеркой

Лампа под зеленым абажуром висела так низко, что лицо Наума Борисовича оставалось в густой тени, и видны были только его холеные пальцы, методично обрезавшие кончик сигары гильотинкой. Марк Яковлевич, сидевший напротив, шумно вздохнул, отпил из тяжелого стакана янтарный портвейн и поправил на груди золотую цепь от хронометра.— Наум, я знаю тебя тридцать лет, — заметил Марк Яковлевич, доставая спички. — Из них двадцать лет ты морочишь голову судам, а последние десять — лично мне. Если твоя история опять сведется к тому, что ты не смог купить приличный галстук из-за происков мирового империализма, я уйду спать прямо посреди твоего монолога.— Марк, не будь таким плоским, как камбала на доске у торговли, — отозвался из тени Наум Борисович. На конце его сигары вспыхнул багровый огонек. — Я рассказываю тебе не про галстук. Я

рассказываю тебе про Семена Марковича Райхельгауза. Ты ведь помнишь Сеню из Центрального исторического архива? Такого тихого человека, который носил парусиновые туфли даже в сильный дождь, потому что боялся испортить кожаные?— Помню, — хмыкнул Марк Яковлевич. — Он еще выдавал папки с пожелтевшими манифестами с таким выражением лица, будто сам редактировал указы Екатерины Второй. И что с ним случилось? Его наконец поймали на том, что он тайно читал чужие дворянские грамоты?— Хуже, Марк. Он заболел. Ему поставили диагноз.— Какая трагедия в наше время. И какой же? Пылевая аллергия от созерцания чужих вековых тайн?— Бесконечность, Марк. Ему поставили диагноз — Бесконечность. Марк Яковлевич застыл со спичкой в руке. Потом медленно задул её и посмотрел на приятеля с искренним состраданием.— Наум, скажи мне как юрист юристу: этот портвейн, который мы пьем, он точно из государственной лавки? Или тебе его привезли контрабандой из Батуми в канистре из-под олифы? Какая «бесконечность»? В Одессе из бесконечного есть только глупость мадам Шнеерзон и долги твоего племянника.— Послушай, как это было, — Наум Борисович откинулся на спинку кресла, и кольцо серого дыма медленно поплыло над столом. — В тот вторник Сема шел к вокзалу. Было жарко так, что даже бродячие собаки отказывались лаять. Он подошел к газетному киоску у Дерибасовской, хотел купить пачку «Казбека». И тут Римма Львовна... ты ведь знаешь Римму Львов-

ну?— Такую монументальную даму, которая способна взглядом остановить трамвай? Знаю.— Так вот, Римма Львовна посмотрела на него и сказала, что папирос нет, потому что у неё в окошке уже сорок минут горит статус «Нет данных». А когда Сема возмутился, она просто захлопнула ставню. И на этой ставне, Марк, на обычном белом листе бумаги, фиолетовыми чернилами была выведена аккуратная, заваленная набок восьмерка. Марк Яковлевич издал короткий, лающий смешок.— Наум, ради всего святого! Ты делаешь из обычной одесской лени библейский сюжет. Римма Львовна просто спрятала дефицитный «Казбек» под прилавок для подпольного цеховика Рабиновича, а ту восьмерку на бланке нарисовал её внук Боря, который третий год не может сдать экзамен по арифметике в четвертом классе! А статус «Нет данных» — это значит, что ей было просто лень поднять свою выдающуюся корму со стула.— Я тоже так подумал бы, Марк, — тихо продолжал Наум Борисович. — Если бы Сема не пошел дальше. Он вышел на Привокзальную площадь. И там стоял трамвай. Застывший. Кондукторша мадам Гольдберг замерла с компостером в руке, а полоска билета застряла в железных зубьях. Пассажиры сидели с авоськами и не моргали. И над перроном вокзала, где мелом пишут расписание поездов, висел огромный щит с тем же самым знаком. Время встало, Марк. Желтый лист платана завис в воздухе в полуметре от тротуара. Он не падал. Марк Яковлевич отпил еще портвейна, его глаза сузились, а в голосе появился

чистый, неразбавленный сарказм:— Какая удобная картина для Семена Марковича! То есть, когда Райхельгаузу нужно было наконец закончить опись фондов Потемкинской канцелярии, вся вселенная решила вежливо замереть, чтобы Сеня не получил нагоняй от директора архива? И этот лист... Наум, в сентябре в Одессе такой штиль, что листья не падают просто потому, что им лень совершать лишние движения! А мадам Гольдберг с компостером — так она всю жизнь спит стоя, это знает весь двадцать восьмой маршрут!— Марк, ты не понимаешь главного, — Наум Борисович постучал пальцем по столу. — Сема побежал в Бюро справок. И женщина в окошке — абсолютно вежливая, трезвая женщина — сказала ему: «Вы тридцать лет читали описания тысяч чужих исторических подвигов. Вы наизусть знаете, как яркие люди горели, рисковали, стрелялись на дуэлях и гибли ради страсти. Но сами вы отложили тридцать два разговора с Цилей из филармонии, потому что не подобрали безупречных слов. Вы создали идеальный черновик жизни, Райхельгауз. Вы превратили себя в один из архивных документов. Система пошла вам навстречу. Опечаток и рисков больше не будет. Но и новых страниц тоже». Марк Яковлевич затянулся сигарой, выпустил струю дыма прямо в зелёный абажур и хмыкнул:— Ну, тут эта дама из Бюро справок была абсолютно права. Если мужчина сорок лет смотрит на женщину из филармонии и вместо того, чтобы купить ей коробку конфет и поцеловать в подъезде, изучает чужие мемуары — ему

нужно ставить диагноз. На букву «П». И лечится он хорошим пинком под зад, а не метафизикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.